

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию
Чомаева Заура Абдулкеримовича на тему
«Мусульманская дипломатия в раннеисламскую эпоху: зарождение и
особенности функционирования (622-661 гг.)»,
представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Средние века)

На рубеже XX–XXI вв. наблюдается возрождение интереса исследователей к истории дипломатии на Ближнем Востоке в Средние века. Одной из важнейших задач научных изысканий в этой области является преодоление предвзятого подхода к истории взаимоотношений исламских государств с немусульманскими политиями как к истории войн и конфликтов. Такой подход приводил к формированию искаженного представления о том, что мусульмане, разделяя весь мир на «*область ислама*» («*дар ал-ислам*») и «*область войны*» («*дар ал-харб*») и руководствуясь теорией *джихада*, не способны к мирной коммуникации и невоенному разрешению конфликтов с немусульманами на государственном уровне. Важный шаг в воссоздании объективной картины взаимодействия средневековых мусульманских государств немусульманскими общинами и государствами представляет собой диссертационная работа З.А.Чомаева, в которой особое внимание уделяется мирным договорам, заключенным пророком Мухаммадом и делается вывод о том, что именно «миролюбивая политика Медины» лежала в основе укрепления и расширения «*дар ал-ислам*» (с. 213).

Актуальность исследования не вызывает сомнений. В период, на котором сосредоточил внимание З.А.Чомаев, происходили события, коренным образом изменившие религиозную и политическую ситуацию на Ближнем Востоке и в соседних регионах. К преданию об этих событиях обращались и продолжают обращаться мусульманские правоведы, государственные и религиозные деятели, идеологи политических движений. Разрабатывая собственные принципы взаимоотношений как с мусульманами, так и с немусульманами, на опыт Мухаммада и его сподвижников ссылаются

лидеры сект, партий и группировок, в большей или меньшей степени определяющих политическую ситуацию в странах современного Ближнего Востока и Северной Африки. Научное изучение раннеисламской дипломатии будет способствовать объективной оценке идеологических концепций, которые лежат в основе религиозных и политических течений в исламе, и, возможно, расширит арсенал современных дипломатических служб научно-обоснованными аргументами для подготовки к различного рода встречам и переговорам. Как справедливо отмечает З.А.Чомаев, исследование опыта формирования взаимоотношений *уммы* Пророка с другими религиозными общинами, а также многочисленными аравийскими племенами может пролить свет на базовые принципы межконфессионального диалога в исламе, более того, дать ключ к урегулированию конфликтов как на уровне общин, групп или иных конфессиональных объединений, так и на межгосударственном уровне.

Научная новизна работы З.А.Чомаева, и полученных им в результате проведенного исследования результатов определяется самой темой диссертации. Впервые в российской историографии на основе широкого круга источников проведено комплексное изучение дипломатии в период зарождения ислама и арабо-мусульманского государства. Последовательное рассмотрение всех сохранившихся сообщений о дипломатических контактах мусульман с 622 по 661 г. позволило автору диссертации перейти от анализа отдельных договоров к всесторонней характеристике раннемусульманской дипломатии и особенностям ее функционирования как в военных, так и в мирных условиях.

Не вызывает сомнения практическая значимость работы. Основные ее результаты могут быть использованы при анализе и регулировании межконфессиональных отношений, а также для поиска оптимальных моделей ведения диалога с исламскими религиозными лидерами, в том числе и на государственном уровне.

Научная значимость диссертации З.А.Чомаева определяется спецификой источниковой базы. Использование Корана, единственного памятника, синхронного событиям этого периода, в качестве исторического источника вызывает серьезные затруднения, в первую очередь в силу того, что точная датировка отдельных фрагментов текста зачастую не представляется возможной (см. Резван Е.А. Коран и его толкования: (Тексты, переводы, комментарии). СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000; Wansbrough J. *Quranic Studies: Sources and Methods of Scriptural Interpretation*. Oxford, 1977). Иные источники, которые восходят к этому периоду, длительное время существовали в форме устных рассказов о событиях, происходивших при жизни Мухаммада и его ближайших сподвижников, и дошли до нас, в основном, в трудах арабских историков, богословов и правоведов IX-X вв. Вопрос о степени достоверности этих источников до сих пор не решен окончательно. В последней трети XX в. в исламоведении сформировалось два направления: «ревизионистское», последователи которого – иногда категорично, иногда с оговорками – отвергают возможность использования Корана, хадисов и нарративного материала более позднего времени для изучения ранней истории ислама, поскольку достоверность этих источников доказать невозможно (см., например, Crone, P. *Meccan Islam: The Rise of the Islamic World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977), и второе – «позитивистское». Сторонники этого, последнего направления, полагают, что имеющиеся источники содержат – в большей или меньшей степени – достоверную информацию и при условии тщательного критического анализа их можно и нужно использовать для изучения истории раннего ислама (см., например, Большаков О.Г. *История халифата*. Т. 1. М.: Наука, 1989, Donner F.M. *Narratives of Islamic Origins: The Beginnings of Islamic Historical Writing*. Princeton, NJ: The Darwin Press, 1998). «Ревизионистский» подход подтолкнул «позитивистов» к поиску новых методов критики источников, который активно продолжается в настоящее время и далек от завершения. Работа З.А.Чомаева – еще один шаг в этом направлении. Представленное к защите

исследование основано на широчайшем круге разноплановых и разновременных источников (101 наименование в списке литературы). Именно в сравнительном анализе памятников, которые относятся к различным периодам истории ислама и различным группам письменных источников (тексты документов, биографии, исторические хроники, законоведение (*фикх*), Коран и кораническая экзегетика (*тафсир*), сборники хадисов) и состоит, насколько можно судить, основной методологический подход к критике источников, выбранный автором диссертации, представляющей собой заметный вклад в научное изучение эпохи зарождения первого арабско-мусульманского государства.

Основные положения, выносимые на защиту, не вызывают возражений и находят подтверждение в публикациях З.А.Чомаева в научных изданиях, рекомендованных ВАК (4 статьи). Выводы, сделанные автором диссертации, в целом, достоверны и обоснованы. В то же время некоторые замечания З.А.Чомаева выглядят несколько поверхностными, например, в первом параграфе первой главы отмечено, что иудейские племена Йасриба не имели политического влияния и находились в положении «покровительствуемых» (с. 28, 36). Между тем, на положении «покровительствуемых» к началу VII в. находились мелкие группы иудеев, а крупные племена оставались независимыми, хотя арабские *аус* и *хазрадж*, действительно, занимали доминирующее положение (См. Большаков О.Г. История халифата. Т. 1. М.: Наука, 1989. С. 83).

Спорным или, по крайней мере, требующим более тщательного и взвешенного подхода к терминологии, представляется вывод о том, что на формирование раннеисламской дипломатии оказал влияние шариат (с. 48). Как среди мусульманских правоведов, так и среди исламоведов существуют разные подходы к трактовке понятия «шариат». З.А.Чомаев на с. 42 определяет шариат как «систематизированный свод мусульманских законов, где раскрываются как светские, так и религиозные проблемы». Можно ли говорить о том, что в мединский период деятельности Мухаммада (именно

этому периоду посвящен второй параграф первой главы, в котором сделан упомянутый вывод), шариат уже существовал как «систематизированный свод мусульманских законов, где раскрываются как светские, так и религиозные проблемы» и мог оказывать влияние на формирование раннеисламской дипломатии или же и сам шариат, как и раннеисламская дипломатия, находился еще в стадии формирования?

Диссертация З.А.Чомаева хорошо структурирована, во *Введении* убедительно обоснована актуальность темы исследования и представлены хронологические рамки работы. В разделе «Методология и методы диссертационного исследования», к сожалению, не нашла отражения методология, которая была использована для критического анализа источников, хотя в связи с особенностями источниковой базы исследования, которые были отмечены выше, вопрос о достоверности источников имеет первостепенное значение, и о того, как автор диссертации решал этот вопрос, зависит в конечном счете и достоверность полученных им результатов.

В первой главе рассмотрены дипломатические шаги, предпринятые Мухаммадом для организации жизни мусульманской общины в Йасрибе. Подробный обзор источников и исследований на арабском языке, касающихся мединского договора, позволяет автору сделать убедительный вывод о целостности этого, не дошедшего до нас в подлиннике, документа и продемонстрировать, как складывались основы исламской дипломатии.

Во втором параграфе первой главы автор рассматривает обычаи заключения договоров и соглашений, существовавших в Аравии до ислама. Представляется, что эта часть работы была бы более фундированной, если бы автор использовал весь комплекс доступных источников, в том числе и доисламскую арабскую поэзию, которая содержит, как показали исследования российских и зарубежных специалистов, ценный материал для изучения культуры и обычаев арабов в VI-VII вв.

На с. 41 автор довольно бегло упоминает о договорах Гассанидов. Между тем, история Гассанидов и их связи с Византией были подробно

исследованы Н.В.Пигулевской. Материалы этих исследований могли бы послужить прочной базой для выявления тех традиций дипломатии, которые существовали у арабов до ислама и оказали влияние на становление ранней исламской дипломатии, однако, они, к сожалению, не вызвали интереса у автора диссертации, и на работы Н.В.Пигулевской он ссылается лишь однажды (не считая упоминания во *Введении*).

Во второй главе З.А.Чомаев рассматривает чрезвычайно важный вопрос о роли мирных договоров и миротворческой дипломатии в условиях военного конфликта. Не все части этой главы равноценны. Довольно слабым в аналитическом плане представляется второй параграф – «Историческое значение Худайбийского перемирия (628 г.)», в котором подробно рассмотрены обстоятельства заключения Худайбийского договора, описанные в арабских источниках. Анализ текста самого договора отведено не более двух страниц, а вывод состоит в том, что «Худайбийское перемирие сыграло большую роль в укреплении престижа Медины» (с. 103). Такой вывод не добавляет ничего нового к тому, что уже известно по работам и отечественных, и зарубежных ученых, в которых положения худайбийского договора и его историческое значение подвергнуты более тщательному и подробному анализу (см., например, Большаков О.Г. История халифата. Т. 1. М.: Наука, 1989. С. 145-147).

Третья глава содержит богатый и хорошо проработанный материал по традициям организации и особенностям функционирования посольской службы в арабо-мусульманском государстве, которые были заложены в изучаемый период. В конце каждой главы сделаны выводы, вполне соответствующие задачам исследования. В *Заключении* кратко и емко представлены итоги работы.

Диссертация написана, в целом, грамотно, переводы арабских текстов отличает выдержанный стиль, в то же время текст недостаточно или, может быть, неполностью отредактирован и не лишен стилистических шероховатостей и грамматических ошибок. В отдельных случаях З.А.Чомаеву

не удастся достаточно ясно выразить свою мысль, например, на с. 38 «Эти термины сохранились и после ислама» (?). Или, например, на с. 40 автор диссертации утверждает: «Не все политические договоры курейшитов были справедливыми», никак не поясняя, о какой «справедливости» идет речь и по отношению к кому курейшиты ее проявляли или не проявляли. На с. 60-61 З.А.Чомаев отмечает: «о достоверности исходной информации свидетельствует тот факт, что бану канука отступили от договора...» Остается неясным, о какой «исходной информации» идет речь, и почему «отступление от договора» свидетельствует о ее достоверности. На с. 105 указано: «В договоре в обязательном порядке должно было быть оговорено соблюдение зиммиями положений шариата...». Имеет ли в виду автор диссертации, что *зиммии* должны были соблюдать все положения шариата наравне с мусульманами?

К числу несомненных достоинств представленной к защите работы, относится, как было отмечено выше, использование широкого круга источников на арабском языке. З.А.Чомаев демонстрирует постоянное стремление сравнить сообщения различных средневековых авторов об одном и том же событии, выяснить их достоверность, привлекает различные исследования, чтобы подтвердить свою точку зрения. Впрочем, некоторые тезисы все-таки остаются без аргументов. Так, например, на с. 181, анализируя вопрос о достоверности сообщения о переходе Ибн Джахша в христианство, автор диссертации пишет, что те исследователи, которые признают это сообщение достоверным, «стремятся использовать данный прецедент в свою пользу», и далее, в качестве примера, указывает на работу Дж. Тримингэма. Однако, какую «пользу» признание достоверности сообщения о переходе Ибн Джахша в христианство принесло Дж.Тримингэму, З.А.Чомаев не уточняет.

Существенным недостатком представленной к защите работы является чрезвычайно скудный список исследований на западноевропейских языках, которые были использованы в исследовании. На одну из этих публикаций (Burbank, Jane, Cooper, Frederick. Empires in World History: Power and the

Politics of Difference. New Jersey, 2010.) ни одной ссылки в тексте нет. На изданную Оксфордским университетом «The Arab Conquest of Egypt» есть только одна ссылка (на с. 196) и касается она не вопросов, связанных с завоеванием Египта и контактами между мусульманами и коптами, а даты убийства персидского царя Парвиза, которую можно найти в учебнике или энциклопедии.

К сожалению, есть лакуны и в использовании трудов российских востоковедов, некоторые из которых были отмечены выше. Так, например, за пределами внимания З.А.Чомаева остался научный перевод важнейшего источника по теме диссертации – «Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса» ‘Абд ар-Рахмана ибн ‘Абд ал-Хакама, выполненный С.Б.Певзнером и снабженный содержательным предисловием и подробными комментариями (сочинение Ибн ‘Абд ал-Хакама не вошло и в список источников на арабском языке, хотя это один из самых ранних памятников арабской историографии).

Существует большой пласт современных исследований на русском, английском, и других европейских языках как в области источниковедения раннего ислама, так и по истории ранней мусульманской общины, в том числе имеющих непосредственное отношение к теме диссертации, например монографии и статьи М.Лекера, Р.Б.Сержанта, Ф.М.Дени, П.Л.Роуза, У.Рубина, М.К.Албара, посвященные мединскому и худайбийскому договорам, статьи Р.С.Файзера, М.А.Селза, Э.Ландау-Тассерон о первых контактах мусульман с иудеями, христианами, а также с аравийскими племенными конфедерациями, фундаментальные труды М.Боннера и Д.Кука по теории *джихада* и т.д. Полноценное использование достижений современной арабистики, исламоведения, источниковедения могло бы поднять диссертационное исследование З.А.Чомаева на качественно более высокий научный уровень как в плане методологии, так и в плане анализа и критики источников.

Тем не менее, отмеченные недостатки и критические замечания не снижают научно-практической значимости работы, выполненной З.А.Чомаевым. Содержание диссертационного исследования полностью раскрывает выбранную тему и адекватно отражено в автореферате.

Представленная к защите диссертация «Мусульманская дипломатия в раннеисламскую эпоху: зарождение и особенности функционирования (622-661 гг.)» является самостоятельной, завершенной научно-квалификационной работой, содержит результаты, имеющие научное и практическое значение, соответствует паспорту специальности 07.00.03. – Всеобщая история (Средние века) и требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а автор диссертации Заур Абдулкеримович Чомаев заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Средние века).

Официальный оппонент,
кандидат исторических наук (специальность 07.00.03 – Всеобщая история),
профессор Департамента востоковедения
и африканистики Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербург)
Илюшина Милана Юрьевна
11 мая 2021 г.

Адрес организации: 190121 Санкт-Петербург,
ул. Союза Печатников, д.16
miliushina@hse.ru
(812) 714-25-44 <http://sh.spb.hse.ru/daas/>

Подпись руки *Илюшиной М.Ю.* удостоверяю.

Начальник отдела кадров

Л. Н. Возиян
Л. Н. Возиян